

Сказка Туве Янссон

" В конце ноября "

Глава 6

Хомса Тофт никогда не был в Муми-дален, но он легко нашел дорогу. Путь был дальний, а ноги у хомсы короткие. Не раз путь ему преграждали глубокие лужи, болота и огромные деревья, упавшие на землю от старости или поваленные бурей. На вырванных из земли корнях висели тяжелые комья земли, а под корнями блестели глубокие черные ямы, наполненные водой. Хомса обходил каждое болотце, каждую ямку с водой и при этом ни разу не заблудился. Он был очень счастлив, потому что знал, чего хотел. В лесу – прекрасно, гораздо лучше, чем в лодке хемуля.

А вот от хемуля пахло старыми бумагами и страхом. Хомса знал это – однажды хемуль постоял возле своей лодки, повздыхал, слегка приподнял брезент и пошел своей дорогой.

Дождь перестал лить, и лес, окутанный туманом, стал еще красивее. Там, где холмы понижались к Долине муми-троллей, лес становился гуще, а ложбинки, наполненные водой, превращались в потоки. Их было все больше и больше. Хомса шел между сотен ручейков и водопадииков, и все они устремлялись туда же, куда шел и он.

Вот долина уже совсем близко, вот он идет по ней. Он узнал березы – ведь стволы их были белее, чем во всех других долинах. Все светлое было здесь светлее, все темное – темнее. Хомса Тофт старался идти как можно тише и медленнее. Он прислушивался. В долине кто-то рубил дрова – видно, папа запасал дрова на зиму. Хомса стал ступать еще осторожнее, его лапы едва касались мха. Путь ему преградила река, он знал, что есть мост, а за мостом – дорога. Рубить перестали, теперь слышался только шум реки, в которую впадали все потоки и ручейки, чтобы вместе с нею устремиться к морю.

"Вот я и пришел", – подумал Хомса Тофт. Он прошел по мосту, вошел в сад. Здесь было все так же, как он рассказывал себе, иначе и быть не могло. Деревья стояли голые, окутанные ноябрьским туманом, но на мгновение они оделись зеленой листвой, в траве заплясали солнечные зайчики, и хомса вдохнул уютный и сладкий аромат сирени.

Он побежал вприпрыжку к сараю, но на него вдруг пахнуло запахом старой бумаги и страха. Хомса Тофт остановился.

"Это хемуль, – подумал он. – Так вот как он выглядит". На приступке сарая сидел хемуль с топором в лапах. На топоре были зазубрины – видно им ударяли по гвоздям.

Хемуль взглянул на хомсу.

– Привет, – сказал он, – а я думал, это Муми-папа идет. Ты не знаешь, куда все подевались?

– Нет, – отвечал Тофт.

– В этих дровах полно гвоздей, – продолжал хемуль, показывая топориче. – Старые доски да рейки, в них всегда много гвоздей!

Хорошо, что теперь хоть с кем-то смогу поговорить. Я пришел сюда отдохнуть, – продолжал хемуль. – Взял и появился к старым знакомым! – Он засмеялся и поставил топор в угол сарая. – Послушай, хомса, – сказал он. – Собери дрова и отнеси их в кухню посушить, да уложи потом их в поленицу – смотри, вот так. А я тем временем пойду сварю кофе. Кухня направо, вход с задней стороны дома.

– Я знаю, – ответил Тофт и начал собирать поленья. Он понял, что хемуль не привык колоть дрова, но, видно, это занятие ему нравилось. Дрова хорошо пахли.

Хемуль внес поднос с кофе в гостиную и поставил его на овальный столик красного дерева.

– Утренний кофе всегда пьют на веранде, – заметил он, – а гостям, что приходят сюда впервые, подают в гостиной.

Хомса робко оглядывал красивую и строгую комнату. Мебель была великолепная, стулья обиты темно-красным бархатом, а на спинке каждого из них была кружевная салфетка. Хомса не посмел сесть. Кафельная печь доходила до самого потолка. Кафель был разрисован сосновыми шишками, шнурок заслонки расшит бисером, а печная дверца была из блестящей латуни. Комод тоже был блестящий – полированный, с золочеными ручками у каждого ящика.

– Ну, так что же ты не садишься? – спросил хемуль.

Хомса присел на самый краешек стула и уставился на портрет, висевший над комодом. Из рамы на него глядел кто-то ужасно серый и косматый, со злыми, близко посаженными глазами, длинным хвостом и огромным носом.

– Это их прадедушка, – пояснил хемуль. – В ту пору они еще жили в печке.

Взгляд хомсы скользнул дальше к лестнице, ведущей в темноту пустого чердака. Он вздрогнул и спросил:

– А может быть, в кухне теплее?

– Пожалуй, ты прав, – ответил хемуль. – В кухне, наверно, уютнее.

Он взял со стола поднос, и они вышли из гостиной.

Целый день они не вспоминали о семье уехавшей из дома. Хемуль сгребал листья в саду и болтал обо всем, что приходило ему в голову. а хомса ходил следом, собирая листья в корзину, и больше слушал, чем говорил.

Один раз хемуль остановился взглянуть на папин голубой стеклянный шар.

– Украшение сада, – сказал он. – Помню, в детстве такие шары красили серебряной краской, – и продолжал сгребать листья.

Хомса хотел полюбоваться стеклянным шаром наедине – ведь шар был самой важной вещью в долине, в нем всегда отражались те, кто жил в ней. Если с семьей муми-троллей ничего не случилось, он, хомса, непременно должен увидеть их в синеве стеклянного шара.

Когда стемнело, хемуль вошел в гостиную и завел папины настенные часы. Они начали бить, как бешеные, часто и неровно, а потом пошли. Под их размеренное и совершенно спокойное тиканье гостиная ожила. Хемуль подошел к барометру. Это был большой барометр в темном, сплошь украшенном резным орнаментом футляре красного дерева. Хемуль постучал по нему. Стрелка показывала "Переменно".

Потом хемуль пошел в кухню и сказал:

– Все начинает налаживаться! Сейчас мы подбросим дров и выпьем еще кофейку, идет?

Он зажег кухонную лампу и нашел в кладовой ванильные сухарики.

– Настоящие корабельные сухари, – объяснил хемуль. – Они напоминают мне о моей лодке. Ешь, хомса. А то ты слишком худой.

– Большое спасибо, – поблагодарил хомса.

Хемуль был слегка возбужден. Он склонился над кухонным столом и сказал:

– Моя лодка построена прочно. Спустить весною лодку на воду, что может быть лучше на свете?

Хомса ерзал на стуле, макал сухарь в кофе и молчал.

– Все медлишь да ждешь чего-то. А потом, наконец, поднимешь парус и отправишься в плавание.

Хомса глядел на хемуля из-под косматой челки. Под конец он сказал:

– Угу.

Хемулю вдруг стало тоскливо – в доме было слишком тихо.

– Не всегда успеваешь сделать все, что хочешь, – заметил он. – Ты знал тех, кто жил в этом доме?

– Да, я знал маму, – ответил Тофт. – А остальных плохо помню.

– Я тоже! – воскликнул хемуль, радуясь, что хомса наконец хоть что-то сказал. – Я никогда не разглядывал их внимательно, мне достаточно было знать, что они тут рядом. – Он помедлил, подыскивая подходящие слова, и продолжал: – Но я всегда помню о них, ты понимаешь, что я хочу сказать?

Хомса снова замкнулся в себе. Немного подождав, хемуль поднялся.

– Пожалуй, пора ложиться спать. Завтра тоже будет день, – сказал он, но ушел не сразу. Прекрасный летний образ южной гостиной исчез, хемуль видел перед собой лишь пустой темный чердак. Подумав, он решил ночевать в кухне.

– Пойду прогуляюсь немного, – пробормотал Тофт.

Он притворил за собой дверь и остановился. На дворе была непроглядная тьма. Хомса подождал, пока глаза его привыкнут к темноте, и медленно побрел в сад. Из глубины погруженного во мрак сада струился голубой свет. Хомса подошел совсем близко к стеклянному шару. Глубокий, как море, он был пронизан длинными темными волнами. Хомса Тофт все смотрел, смотрел и терпеливо ждал. Наконец в самой глубине синевы засветился слабый огонек. Он загорался и гас, загорался и гас с равными промежутками, словно маяк. "Как они далеко", – подумал Тофт. Он весь продрог, но продолжал смотреть, не отрываясь на огонек, который то исчезал, то появлялся, но был до того слаб, что хомса с трудом мог его разглядеть. Ему показалось, что его обманули.

Хемуль стоял в кухне, держа в лапе фонарь. Ему казалось ужасно тяжелым и противным достать матрас, найти место, где его постелить, раздеться и сказать самому себе, что еще один день перешел в ночь. "Как же это вышло? – удивился он про себя. – Ведь я был веселый весь день. Что, собственно говоря, изменилось?"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Хемуль все еще недоумевал, когда дверь на веранду открылась и кто-то вошел в гостиную. Загремел опрокинутый стул.

– Что ты там делаешь? – спросил хемуль.

Ответа не было. Хемуль поднял лампу и крикнул:

– Кто там?

Старческий голос загадочно ответил:

– А уж этого я тебе не скажу!